

О.И. ХАНКЕВИЧ

ДЕМОКРАТИЯ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В ЕВРОПЕЙСКОЙ АНТИЧНОСТИ

Исследован вопрос становления и функционирования гражданского общества и его институтов в греческом полисе и римской цивитас – особой разновидности древнего государства с республиканским устройством.

The article deals with the problem of formation and functioning of civil society and its institutions in Greek polis and Roman civitas – a special kind of antique state with the republican system.

Консолидированное мнение по вопросу сущности и времени возникновения полисного государства и его институтов современным антиковедением высказано в 80-х гг. XX в. на страницах журнала «Вестник древней истории». Это была заочная дискуссия, продолжением которой стала серия статей ведущих российских и европейских ученых, опубликованных в этом же журнале в последние десятилетия¹.

Полис и цивитас – форма политической организации античного общества – являлись по своей внутренней сущности общинной-государством, состоявшей только из полноправных членов общины. Именно такое «малое сообщество» и стало родиной самого раннего в европейской истории гражданского общества. В источниках античная гражданская община чаще всего обозначается как *полития* (греч.), или *республика* (лат.), в русскоязычной лексике – *город-государство*. *Народ* (греч. *демос*, лат. *популюс*) был в полисном государстве субъектом и власти, и права, он утверждал путем голосования как законопроекты, так и кандидатов на общественные должности (лат. *магистратуры*). *Народное собрание* – сход всех граждан – воплощало *суверенитет* античной гражданской общины, осуществляя важнейшие потестарные, законодательные и судебные функции. Исполняли принятыми собранием решения сами граждане, поочередно избираясь в магистратские коллегии, совет и народный суд. Постоянный аппарат управления и принуждения в полисе отсутствовал. *Народовластие* (греч. *демократия*), *самоуправление* (греч. *автономия*) и республиканское устройство стали главными достижениями этой простой формы государственности.

Однако греческий полис и римская цивитас не были государством в современном смысле этого слова. Во-первых, войско было в нем ничем

иным, как вооруженным народом (ополчение), а магистратские коллегии строились на принципах коллективности (два и более должностных лица), краткосрочности (как правило, они были годичными) и подотчетности совету и народному собранию. Во-вторых, налог с граждан (признак развитой государственности) или вообще не взимался (афинский полис), или был лишь военным взносом, подлежавшим после завершения похода возмещению (*трибут* в римской цивитас). И наконец, в-третьих, древние не использовали сам термин «государство», возникший только в эпоху средневековья (употребление его при переводе сочинений античных авторов на современные языки является невольной модернизацией). В выработанной греками и римлянами политической теории классификация известных им государственных устройств проводилась по формам правления. *Монархия, аристократия и полития* (полития в значении республиканский строй) – это «правильные» формы власти, отклонения от которых в виде деспотии – тирании, олигархии и демократии (*демократия* как власть неимущих, чреватая перерождением в *охлократию* – власть толпы) характеризовались как «неправильные»². Главная же особенность и классической Греции (V – IV вв. до н. э.), и республиканского Рима (V – I вв. до н. э.) заключалась в том, что это была децентрализованная политическая система, состоявшая из сотен мелких автономных образований в виде греческих городов-государств, итальянских городских муниципиев и колоний-поселений, а также этноплеменных сельских округов.

Нельзя не отметить, что греки и римляне концептами *полис* и *цивитас* называли не только собственные политии, но и варварские общины, расширительно трактуя *res publica* как достояние всех членов подобного сообщества. А вот противопоставляли они и варварским общинам, и вос-

точным государствам свои *koinonia politike* (греч.) и *societas civilis* (лат.) в значении *гражданское сообщество*, которое Цицерон (I в. до н. э.) определяет как «объединение тех, кто связан между собой общими правами и законами»³. Именно политическая теория и юридическая традиция античности выработали понятия *гражданин* и *гражданское общество*, ставшие в полисном государстве соционормативной реальностью. При этом специалисты в области социолингвистики отмечают смысловое различие лексикоконцептов *polites* и *civis* в значении *гражданин*. Дело в том, что греческий полис представлял собой защищенное от варваров поселение, самоидентификация жителей которого проходила по линии «свой – чужой». В силу того что общность оказывалась замкнутой, греческое понимание гражданственности базировалось, по наблюдению М.В. Ильина, на внеличностных, а потому в значительной степени формальных и коллективистских основаниях. Латинский же концепт *civis* был основан на персональных межличностных связях, построенных на доверии, справедливости и благожелательности⁴. Данное обстоятельство позволяет современным романистам говорить о самобытности древнеримской цивилизации, отличавшейся особым соотношением коллектива и личности в рамках античной гражданской общины, что и обусловило единство ее структур, регулировавшихся многочисленными правовыми нормами. *Доверительность* (лат. *fides*) в межличностных отношениях в архаический период гарантировалась как магическими, так и религиозными средствами (гадания, клятвы, обмен тотемами). Однако такие ритуальные действия с правовым эффектом были доступны только *римлянам* и *латинам* (в данном случае это не этнические понятия, а правовые категории), обладавшим в частноправовой сфере *ius commercii* – правом владеть имуществом и совершать с ним различные сделки. В III в. до н. э. олицетворенной и обожествленной Верности на Капитолийском холме был сооружен храм, жрецы которого совершали возлияния из чаши, называвшейся *spondeum* (отсюда *спонсор* – в римском праве *поручитель*). В классическую эпоху подобные ритуальные действия при заключении частных соглашений были дополнены детально разработанными юридическими процедурами, ставшими нормативной основой обязательственных отношений и в современной цивилистике. Соединение правых рук, символизовавших верность заключенному договору, часто встречается на римских монетах. Наконец, специфика римского социального менталитета заключалась в строгом следовании обычаям предков (*mores maiorum*), уважении к правовым предписаниям (*aequum, ius*), религиозном благочестии (*pietas*), поддержании мира и согласия с соседями (*pax, concordia*).

И греческий полис, и римская цивитас с позиций характеристики их как гражданской общины

идентичны. Это совокупность равных по статусу граждан, отношения между которыми регулировались их внутренним, гражданским правом – *ius civile*. Характерной особенностью правовой формы регулирования общественных отношений является всеобщность масштаба ее действия (в отличие, к примеру, от корпоративных предписаний, касавшихся только отдельных групп граждан) и равенство всех субъектов права перед законом. Отношения же, построенные по принципу равенства, устанавливаются, по словам Д.В. Дождева, «наиболее благоприятные условия для социального бытия отдельной личности»⁵, но частный человек обладал в то время какими-то правами только как гражданин. Именно право, организующее взаимодействие людей в обществе, превращает его в гражданское общество. Субъектами римского *ius civile*, а значит, носителями определенных прав и привилегий являлись *квириты-копьяносцы*, т. е. взрослые мужчины-воины, владевшие земельным наделом и выступавшие в роли главы семейства (лат. *pater familias*). Гражданское право защищало их личные, включая и семейные, права, а также имущественные, включая и наследственные, интересы. Нарушение этих прав квалифицировалось как *delictum* и влекло ответственность в виде *ноксальной* (выдача домовладыкой виновного потерпевшему), *пёнальной* (штрафной) и *инфамирующей* ответственности. Последняя влекла понижение гражданского статуса лица, совершившего деликт, – он не мог после этого быть опекуном или свидетелем в суде. Особой мерой наказания являлось принудительное лишение гражданства в виде изгнания из родной общины с формулой «лишение воды и огня»⁶.

В качестве субъекта гражданско-правовых отношений (лат. *persona*) римлянин-квирит обладал полной *правоспособностью* (лат. *caput*), состоявшей из статусов *свободы*, *гражданства* и *семьи*. С точки зрения *статуса свободы* римское общество разделялось на свободных (как граждан, так и не граждан) и рабов – объектов права. А среди свободных были те, кто имел политические права (граждане-квириты), и те, кто был лишен, – либертины-вольноотпущенники, перегрины-чужеземцы и женщины. Следует отметить, что именно в Древнем Риме возникло понимание права как гаранта и формы индивидуальной свободы (антилегистское правопонимание в современном мире). Поэтому бином *leges libertasque*, т. е. *законы и свобода*, означал «конституцию» римской цивитас, а *libera lex* (*открытый закон*) – совокупность прав и привилегий гражданина. В Дигестах Юстиниана (I, 5, 4) говорится: «Свобода есть естественная способность каждого делать то, что ему угодно, если это не запрещено силой или правом». Можно, конечно, добавить, если личная свобода не ограничивает и не задевает интересов других граждан. Но именно римское

гражданское право выработало десятки частных исков с характерными названиями. Например, *actio de arboribus craedendis* обязывал собственника участка обрезать корни и ветки плодовых деревьев, достигавших соседнего сада. *Pactio viae receptae* был направлен против тех, кто проложил публичную дорогу по чужому земельному участку. Наконец, римским правом были выработаны многочисленные *actio popularis* в защиту каждого потерпевшего от выплеснутых нечистот или падения твердых тел на общественную дорогу, а также пострадавшего от запахов, исходивших из соседней кожевенной мастерской⁷.

Статус гражданства предоставлял следующие права: голоса в комициях, на законный римский брак, на владение и распоряжение своим имуществом и, наконец, занимать общественные должности. Статус же семьи разделял членов древнеримской патриархальной семьи на *persona sui iuris* (таким «человеком своего права» был только домовладыка) и *personae alieni iuris* (людьми «чужого права» были все подвластные домовладыки – от жены и детей до зависимых клиентов и рабов)⁸. В шкале социальных ценностей античности очень значимой была органическая связь положения самостоятельного хозяина, т. е. домовладыки, с положением свободного человека, так как работавший на другого не считался полностью свободным, а получаемая им наемная плата являлась, по словам римлян, «ценой рабства». Как отмечает Е.М. Штаерман, «понятие античной свободы соответствовало именно представлению крестьянина-общинника, для которого свобода в первую очередь определялась экономической независимостью самостоятельного хозяина...»⁹. Собственность уже в те времена была сопряжена с правосубъектностью: она конституировала субъекта правового общения, обеспечивая ему материальную независимость. Индивидуальное хозяйство (греч. *oikos*, лат. *domus*) полноправного человека, его рациональная организация (греч. *oikonomia*, отсюда *экономика*) давали материальные гарантии личной свободы в обществе. Только тот, кто имел и возделывал надел, входивший в земельный фонд всей общины, кто был вместе с другими общинниками совладельцем этого фонда, мог быть полноправным членом гражданского сообщества, участвовать в решении его дел и защищать родину. «В политике, – замечает Аристотель, – верховная власть сосредоточивается в руках воинов, которые вооружаются на собственный счет»¹⁰.

В мировом антиковедении аксиомой является положение о существовании в античности развитой *частной собственности*. Само же это понятие (лат. *dominium, proprietas*) выработала на материале древнеримских юридических памятников византийская юриспруденция, определявшая собственность как абсолютное право лица на принадлежащую ему вещь с полномочиями отстра-

нения несовладельца и свободы ее отчуждения. Понятие *proprietas* восходит к древнеримскому *proprius* в значении «свойственный данному лицу», «лично ему присущий». Первоначально этот институт возник в рамках римской семьи и бином *familia pecuniaque* охватывал и членов семьи, и рабов, и домашний скот, и материальные вещи. *Pecunia* (от *pecus* – домашнее животное) – то имущество, которое было объектом юридических актов, совершаемых домовладыкой, имевшим распорядительные полномочия (лат. *auctoritas*, отсюда *авторитет*) по решению хозяйственных вопросов. Поэтому символом законной собственности являлось в республиканском Риме копье квириата. Оно выставлялось в суде *центумвиров* (букв. *суд ста мужей*), разбиравшем дела о собственности. Критикуя проект Платона, в котором преобладание государства над личностью доходило до обобществления женщин и имущества, Аристотель (IV в. до н. э.) отметил: «При общности имущества для благородной щедрости, очевидно, не будет места... так как щедрость сказывается именно при возможности распоряжаться своим добром»¹¹.

Описанную нами форму построения гражданского общества греки называли *демократией*, а римляне – *республикой* в значении *власть демоса*, или *общее дело всех граждан*, без всякого представительства (*прямая демократия*) управлявших своей общиной. Демократия и республика означали в те времена полновластие и полное правление граждан-мужчин, коренных жителей определенной территории. Территориальная принадлежность полисного гражданина была отражена или в его имени (в афинском полисе указывался *дем*, из которого он происходил), или в принадлежности к административному округу, выступавшему в народном собрании в качестве голосующей единицы (*трибы* в Римской республике). Оформление этноплеменных групп в *демы* и *трибы* и являлось сущностью процесса институализации общественной жизни в античности. Таким образом, *народом* в значении юридически и политически полноправного коллектива считался в полисной общине корпус граждан, воинов и землевладельцев, глав большесемейных групп. Эти качества гражданина и являлись критерием для наделения его правами и обязанностями. А вот сфера деятельности гражданина (род занятий), происхождение (знатность или незнатность) и имущественное положение предопределяли его принадлежность к определенному *сословию* – *разряду*. Особая конфигурация сословий – *разрядов*, определявших персональный статус и правовое положение как граждан, так и неграждан, и является спецификой сословно-политической организации античного общества.

Опираясь на данные многочисленных и непредвзято интерпретированных источников, современные российские востоковеды И.М. Дьяко-

нов и В.А. Якобсон предложили называть рабочую формуацию *древним гражданским обществом*, «поскольку именно полноправные граждане были его главным сословием...»¹². Антикведы отмечают в связи с этим такую особенность: в межгосударственных отношениях не существовало правового субъекта Афины, Спарта, Коринф, таковыми были их граждане – афиняне, спартиаты, коринфяне. От имени граждан заключались договоры и союзы, объявлялись и прекращались войны. Поскольку римская *цивitas* обладала всеми теми признаками, которые были характерны и для *полиса*, ее лучше всего использовать как модель для анализа структуры гражданского общества античности. В римском обществе были помимо полноправных граждан в разной степени правоспособные *латины*, *перегрины* и *либертины*. В эпоху Республики римляне создавали на завоеванных землях италиков колонии, наделяя колонистов статусом латинских граждан. *Латины* пользовались всеми правами римского гражданства, за исключением права голоса в комициях (напомним, *латин* в контексте нашего анализа – не этноним, а правовой статус). *Перегрины* – свободные жители многочисленных италийских общин Апеннинского полуострова. Господство Рима в Италии устанавливалось посредством союзных договоров (лат. *foedus*, отсюда *федерация*) и реже с помощью аннексий и завоеваний. Когда же стали создаваться подвластные округа за пределами Италии, подчиненные уже силой оружия (лат. *pro vincere* – побеждать оружием, отсюда *провинция*), Рим сохранил договорную форму отношений, определявшую степень их автономии, с провинциальными гражданскими общинами. *Перегрины* жили по своим законам, но в отношениях (прежде всего торговых) с Римом – по нормам *права народов*. В случае нарушения их коммерческих интересов они могли прибегать к юрисдикции специально избираемого в Риме претора *перегринов*. *Либертины* как бывшие рабы имели ограниченную правоспособность, и только их дети становились полноправными гражданами. Из сказанного можно заключить, что античная теория и практика выработали не только само понятие *общество* (греч. *койнония*, лат. *социалитас*), но и четкую номенклатуру обозначения его членов – *граждан*, субъектов прав и обязанностей по отношению к родному полису-государству. В целом статусная стратификация отражала, с одной стороны, степень признания личности обществом, с другой – указывала на неразвитость индивидуализма в то отдаленное от нас время: общинные коллективистские начала в полисном государстве преобладали над индивидуальными.

Тем не менее весь коллектив граждан успешно решать задачи внутренней и внешней политики в полисном государстве не мог. Именно в античности впервые сформировалась фигура *лиде-*

ра – государственного деятеля и законодателя, профессионального политика и военачальника. Это были «естественные» лидеры, выделявшиеся в подобных микроколлективах, где все граждане знали друг друга в лицо, по реальным достоинствам. Специфика же состояла в определенной «невыведенности» политики из других сфер жизнедеятельности, что отразилось в наименовании этих лидеров – *ораторы*, *мудрецы*, *простаты*, *демагоги* (букв. вожди демоса), *народные трибуны*, *стратеги*. Вошедшие в политическую лексику эти слова стали впоследствии нарицательными¹³. Даже в эпоху ранней Римской империи (I – III вв.) собственно государственные функции не отделились окончательно от функций социальных. Все сказанное означает, что государство и общество в полисе в значительной мере совпадали. Такая двойственная природа полисного государства предопределила, с одной стороны, его уникальные достижения не только в строительстве демократии, но и в области развития культуры – архитектурные ордера, скульптурный портрет, трагедия и театр, а также философия и систематизированные научные знания завещаны античностью последующим поколениям (в данном случае мы вправе говорить о полисе как о социокультурном феномене). С другой стороны, она же стала и причиной его недолговечности, ибо полис и *цивitas* могли существовать только в условиях ограниченного количества граждан. Будучи, однако, открытой системой, античные государства принимали в свой состав не только отдельных иностранцев, но и целые перегринские общины. Согласно Цицерону, «предки наши никогда не упускали случая расширения и распространения *цивitas*»¹⁴. Увеличение же гражданского коллектива и расширение его территории сводило на нет роль такого важного полисного института прямой демократии, как народное собрание. Что касается «распространения» *цивitas*, то имеется в виду широкое колонизационное движение, расселение греков и римлян по берегам Средиземного и Черного морей. На практике это означало мультипликацию античной цивилизации в форме города-государства. Возникавшие на периферии греко-римской цивилизации дочерние *поселения-колонии* обретали собственное самоуправление, т. е. свою *res publica*, воспроизводя при этом жизненные стандарты *метрополии* (букв. *города-матери*). Об этом свидетельствуют хорошо сохранившиеся муниципальные законы, представлявшие собой своего рода «конституции» таких периферийных городов-государств¹⁵.

Таким образом, античность завещала человечеству три великих достижения – демократию, республиканизм и гражданское общество, провозгласив безусловный приоритет прав и свобод гражданина, защищенного как частноправовыми нормами, так и системой государственных институтов. Надо полагать, демократия – не уникальный феномен, неповторимо проявляющийся в

единственном историческом опыте (то ли афинском, то ли римском). Это – модель организации общества, которая уже в те далекие времена находила воплощение в самых разнообразных исторических обстоятельствах и реалиях. Так, например, римляне, признавая наличие *civitas* и *res publica* и у варварских сообществ, превосходство собственной гражданской общины видели как в высоких добродетелях своих граждан, так и в ее совершенном устройстве, сочетавшем все лучшее, что есть в монархии (полномочия консулов), аристократии (власть сената) и демократии (суверенитет голосующего в собрании народа). Можно утверждать, что полисная община-государство с республиканским устройством – доминирующая форма социополитического устройства всей европейской античности. Именно в рамках охарактеризованной нами государственности произошло формирование самого раннего в Европе гражданского общества и той правовой системы, которая легла в основу современной цивилистики.

¹ См.: Античный мир. Возникновение государства // Вестник древней истории (далее – ВДИ). 1989. № 3. С. 90–101; Гражданская община и государство в античности // ВДИ. 1989. № 4. С. 71–78; К итогам дискуссии о римском государстве // ВДИ. 1990. № 3. С. 68–75; Дьяконов И. М., Якобсон В. А. Гражданское общество в древности // ВДИ. 1998. № 1. С. 22–29.

² См.: Аристотель. Политика. III, 5 // Аристотель. Политика. Афинская полития. М., 1997.

³ Цицерон. О законах. I, 7, 23; О государстве (*De re publica*). VI, 13 // Цицерон. О государстве. О законах. Речь. Письма. М., 1999.

⁴ См.: Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997. С. 161–163.

⁵ Дождев Д. В. Методологические проблемы изучения римского права: индивид и гражданское общество // ВДИ. 2003. № 2. С. 109–110.

⁶ Дигесты Юстиниана. III, 2, 1 // Дигесты Юстиниана. М., 1984.

⁷ См.: Дождев Д. В. Римское частное право. М., 2002. С. 622–624; Франчози Дж. Институционный курс римского права. М., 2004. С. 411–412; Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. М., 1989. С. 31–44.

⁸ См.: Дигесты Юстиниана. I, 6.

⁹ Штаерман Е. М. История крестьянства в Древнем Риме. М., 1996. С. 8.

¹⁰ Аристотель. Политика. III, 5, 3.

¹¹ Там же. X, 2, 7.

¹² Дьяконов И. М., Якобсон В. А. Гражданское общество в древности // ВДИ. 1998. № 1. С. 23.

¹³ См.: Утченко С. Л. Политические учения Древнего Рима: III–I вв. до н. э. М., 1977. С. 64, 56–66; Суриков И. Е. Античная Греция. Политики в контексте эпохи: архаика и ранняя классика. М., 2005.

¹⁴ Цицерон. Речь в защиту Бальбы. XXXI.

¹⁵ См.: Кофанов Л. Л. Римская *civitas* и муниципальное право // ВДИ. 2007. № 3. С. 101–119; Античный полис: Межвуз. сб. / Отв. ред. Э. Д. Фролов. Л., 1979; Маринович Л. П. Античная и современная демократия. М., 2001.

Поступила в редакцию 26.12.07.

Ольга Ивановна Ханкевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков.